

Западные воздействия на культуры Востока: контакты и конфликты

С. В. Прожогина

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8276-0289>, e-mail: svetlana.projogina@mail.ru

Резюме: 17 апреля 2019 г. в Отделе сравнительного культуроведения ИВ РАН прошел очередной круглый стол по теме «Западные воздействия на культуры Востока: контакты и конфликты». Он явился своеобразным итогом и одновременно продолжением уже прошедших форумов, на которых ученые, представители разных специальностей (философы, искусствоведы, историки, литературоведы, лингвисты, психологи) по множеству регионов – от Мадагаскара до Малайзии, от Ливана до Монголии, от Северной Африки до Южной, от Ирана до Пакистана, Китая и Японии – ежегодно собираются для совместного обсуждения научных проблем, связанных с мультикультурализмом, взаимодействием культуры и политики, традициями и модернизацией, положением национальных культур Востока в транснациональном пространстве. Новый круглый стол выявил особые формы присутствия Запада в древних и современных культурах Востока и способы освоения, усвоения, трансформации или отторжения ими западных образцов культуры, полученных в результате цивилизационных контактов.

Ключевые слова: архитектура; Восток и Запад в диалоге цивилизаций; изобразительное искусство; культурные заимствования; литература Востока; процессы модернизации; трансформации; христианство на Востоке

Для цитирования: Прожогина С. В. Западные воздействия на культуры Востока: контакты и конфликты. *Ориенталистика*. 2019;2(2):457–471. DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-2-457-471.

Contacts and Conflicts. Western Impacts on the Cultures of the East

S. V. Prozhogina

Institute of Oriental Studies Russian Academy of sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8276-0289>, e-mail: svetlana.projogina@mail.ru

Abstract: the Department of Comparative Cultural Studies at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences held on the 17.04.2019 a round table meeting “Contacts and Conflicts. Western Impacts on the Cultures of the East”. The meeting

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

became a continuation in the series of annual forums, in which the scholars of diverse specialism (philosophers, art historians, historians, literary critics, specialists in Eastern languages, etc.) from many countries (from Madagascar to Malaysia, from Lebanon to Mongolia, from North Africa to South , from Iran to Japan) discuss problems of common interest. The topics vary from the multicultural studies, the interaction of culture and politics to the coexistence of traditions and modernization, including the place of the national cultures of the East in the broader transnational context. Among the results of this meeting are identification of the specific forms of the Western influence on the cultures of the East from Antiquity to the modern age. These forms of influence also include the ways of adaptation, assimilation or even rejection of the Western phenomena in the course of the cultural and civilizational exchange.

Keywords: adaptation, cultural; civilizations, dialogue of; East and West; East and West, architecture of; East and West, comparative study of the art; East and West, literatures of; East and West, modernization in; East, Christian teachings in; influence, cultural

For citation: Prozhogina S. V. Contacts and Conflicts. Western Impacts on the Cultures of the East. *Orientalistica*. 2019;2(2):457–471. (In Russ.) DOI: 10. 10.31696/2618-7043-2019-2-2-457-471.

Очередной круглый стол в Отделе сравнительного культуроведения ИВ РАН (руководитель – Ю. В. Любимов) был посвящен актуальной проблематике и вызвал большой резонанс в разных подразделениях Института востоковедения и в других академических и научно-педагогических учреждениях Москвы. На круглом столе выступили 21 специалист, в том числе культурологи, искусствоведы, философы, лингвисты, литературоведы, историки и политологи. Еще 9 человек прислали тезисы своих исследований для сборника, подготавливаемого в настоящее время по итогам форума. Такие сборники трудов уже четыре раза выходили по материалам предшествовавших круглых столов, проводимых Отделом сравнительного культуроведения Института востоковедения (о мультикультурализме и этнической многокультурности в истории Востока; о традициях и новациях в культурах Востока; о взаимосвязи культуры и политики в странах Востока; о национальных культурах Востока в транснациональном пространстве). Помимо представителей разных отделов Института востоковедения, в круглом столе приняли участие ученые из Института языкознания РАН, Института мировой литературы им. Горького РАН, Института Африки РАН, ИСАА и Государственной академии права.

Участники круглого стола продемонстрировали исключительно глубокое знание, почти «точечное», прицельное изучение своего предмета, выявляя и подтверждая конкретными примерами различные формы «извечно» существовавших в той или иной форме цивилизационных контактов, которые приводили и к продуктивному диалогу цивилизаций, и к определенному рода конфликтам, вызывавшим, в свою очередь, не менее значимые процессы культурной эволюции восточных и афри-

канских народов, и по сей день зачастую не приемлющих «западные образцы», ущемляющие их самобытность и самостоятельность.

Очередной круглый стол пополнился новыми областями исследований востоковедов, предоставивших возможность сопоставления изменений традиционных форм в различных областях восточной культуры под воздействием Запада. Чрезвычайно интересным оказался анализ влияния христианства на современные восточные и африканские общества, в частности отказ от влияния Ватикана в православных общинах мусульманского мира, процессы реформации иудаизма под влиянием Запада и т.д.

Для удобства изложения материалов круглого стола имеет смысл начать обзор с исторически более удаленных по времени тем выступлений, постепенно переходя к более современным процессам в изменении восточных культур под воздействием Запада, включая социально-политические, религиозные, литературные и искусствоведческие исследования в области цивилизационных контактов и конфликтов.

Е. Ю. Ендольцева (ИВ РАН) отметила некоторые аспекты влияния культуры Запада на Восток на примере абхазской скульптуры эпохи Средневековья. По ее мнению, романская скульптура Западной Европы и архитектурная пластика Кавказа и Закавказья того же периода существовали в едином культурном и информационном пространстве. Некоторые сюжеты фиксируются в скульптуре различных регионов в один и тот же исторический период. Иногда изображения, которые сохранились в церковной пластике Кавказа, можно атрибутировать только благодаря аналогиям в романской скульптуре, снабженным зачастую надписями. Два красноречивых примера – фрагмент плиты с изображением одного персонажа, дергающего за бороду другого, из фондов Абхазского государственного музея в г. Сухум, и фрагмент плиты из церкви в Тхаба-Ерды (Ингушетия).

В первом случае сюжет идентифицируется благодаря аналогичному изображению на капители в церкви Нотр-Дам дю Пор в Клермон-Ферране (благодаря сохранившейся латинской надписи точно известно, что там проиллюстрирован Сон Иосифа). Во втором – благодаря надписи под изображением на капители в клуатре собора в Эльне (Франция) (союз льва и грифона).

О несколько более поздних воздействиях западного искусства на африканскую храмовую роспись рассказала *В. З. Куватова* (ИВ РАН), обозначив тему своего исследования как «Европейский ад в эфиопской монументальной живописи».

Начиная с XVII в., отметила она, в эфиопской христианской живописи получают распространение изображения ада и дьявола. В первую очередь, они появляются в контексте сцен «Страшного суда» и «Сошествия во ад», однако иногда выступают и как самостоятельная часть обширных

иконографических программ росписи церквей. Композиции с изображением дьявола преимущественно встречаются в монументальной живописи, намного реже их можно видеть в иллюминированных манускриптах, обычно в сценах искушения Христа. В иконописи, вполне закономерно, сюжеты подобного рода единичны. Иконография дьявола, демонов и ада в эфиопской живописи носит явный отпечаток западного художественного влияния. Отсутствие подобных сцен в монументальной живописи XII–XV вв., развивавшейся под воздействием коптской и, возможно, суданской живописи, косвенно свидетельствует в пользу того, что их источниками стали образцы книжной миниатюры, привезенные в страну в XV–XVII вв. венецианскими мастерами, с 1480-х гг. работавшими в Эфиопии. В середине XVI в. большую активность проявляли иезуитские миссионеры, которые привозили в Эфиопию гравюры и печатные образцы, в том числе из индийского Гоа, бывшего опорным пунктом миссионерской деятельности иезуитов в Азии. Вторая волна иезуитской активности и, соответственно, иконографического влияния пришлась на рубеж XVI–XVII вв., когда вновь прибывшие миссионеры привезли иллюстрированные богословские книги и печатные репродукции икон.

Опиумные войны в Китае как феномен столкновения культур и цивилизаций стали темой доклада *Р. М. Зиганьшина* (ИВ РАН), который подчеркнул, что период цинской династии (1644–1912), характеризующийся конфликтом с Великобританией, является «самой позорной» исторической страницей для обеих сторон – и Востока, и Запада. Для Запада, потому что Великобритания на межгосударственном уровне занималась наркоторговлей и заставляла другое государство путем военного вмешательства покупать опиум. Китаю же, который традиционно воспринимал себя как «Срединное государство», т.е. центр мира, и на современном этапе «стремительно вырывающемуся в мировые лидеры», это напоминает о фактически полуколониальном существовании и зависимости от Запада, что не может не восприниматься болезненно.

Значительное количество участников круглого стола затрагивало профессиональные проблемы культур Востока, испытавших воздействие религии Запада, т.е. христианства. *Е. А. Кривец* (ИВ РАН) в своем выступлении рассказала о борьбе коптов Египта с западной церковью в истории и современности. Она отметила, что уже к XIV в. христианская церковь в Египте пришла в упадок вследствие сильного давления со стороны мусульманских властей, чем не преминул воспользоваться Ватикан, всеми способами стремившийся к расширению своего влияния на Востоке. Распространение власти турок-османов на территории бывшей Византийской империи в значительной мере стало следствием этого процесса, считает докладчик. Угроза подчинения коптов католической власти Римского папы, несмотря на христианское вероисповедание тех и других, была много опаснее, по ее мнению, антихристианской власти.

Египетские мусульмане могли физически уничтожить коптов и их веру, а католическая экспансия предполагала изменение принципа жизни коптов – подмену религиозного символа при сохранении внешней обрядности. Поэтому выбор был сделан в пользу османов.

Конфессиональные проблемы возникали и в среде иранских зороастрийцев, чья древняя религия подверглась испытаниям после исламской экспансии еще в VII в. Часть их переместилась в Индию, где зороастрийцы, парсы, до сих пор пытаются сохранить свои верования, однако и здесь претерпевают давление другой конфессии, о чем рассказала в своем выступлении *М. Б. Мейтарчян* (ИВ РАН). Она рассмотрела влияние европейских миссионеров на парсов Индии, воздействие европейского образования и протестантского христианства на их образ жизни. Затронув вопрос о реформаторстве и традиционализме в религиозных воззрениях парсов, *М. Мейтарчян* рассказала о случае с протестантским миссионером Джоном Уилсоном, прибывшим в Бомбей в 1829 г. В своей проповеди он обвинил зороастрийцев в «дуализме» и высмеял их древние космогонические и мифические сведения, собранные в одном из поздних зороастрийских сакральных текстов. Это настолько поразило парсов, что их жрецы даже не могли достойно отстоять свои позиции и впали в замешательство относительно истинности своих верований.

С прямо противоположными последствиями воздействия христианства на культуру Кореи участников круглого стола ознакомил *А. В. Пак* (ИВ РАН). Говоря о роли протестантской церкви в трансформации традиционного корейского общества в конце XIX – начале XX в., ученый подчеркнул, что большинство европейцев, впервые начинающих интересоваться Востоком, склонны считать, что современная Южная Корея – буддийская страна с конфуцианской моралью и традициями. Между тем история христианства в этой стране насчитывает уже несколько веков. Начавшись с первых полуподпольных церквей и кружков по изучению тогда еще «диковинного» западного учения, христианство (вначале католицизм, а затем протестантизм) к началу XX в. не только сумело органично вписаться в корейскую почву, но даже и потеснило традиционные верования. Первыми в Корею в XVI–XVII вв. пришли католики. Однако вследствие того что в тот период страна еще была закрыта для контактов с европейцами, они не смогли добиться успеха. К моменту открытия страны для контактов с европейскими державами и Японией лишь протестантские миссионеры из США и Великобритании сумели добиться в Корее наибольшего успеха. Они же в конце XIX – начале XX в. были первыми, кто привнес в тогда еще единое корейское государство прогрессивные идеи западной культуры. И сегодня, в эпоху глобализации и новых технологий, христианская церковь, полагает докладчик, занимает важное место в культуре, политической жизни и истории этой страны.

В выступлении *Е. Э. Носенко-Штейн* (ИВ РАН) были проанализированы проблемы реформации иудаизма под воздействием Запада. Реформа религии, отметила докладчик, обычно происходит как своеобразные возврат к ее «первоначальным ценностям» и ее очищение от «позднейших наслоений». Так происходило и с иудаизмом на протяжении веков. Но попытки такого рода имели место главным образом в Европе. Таково возникновение хасидизма в конце XVIII в. (Украина) под лозунгом спиритуализма и «служения богу в радости». Впоследствии хасидизм вылился в крайний ритуализм, он получил значительное распространение во многих странах Европы и Америки, где среди евреев преобладали ашкеназы. В странах Ближнего и Среднего Востока, в Северной Африке и на Балканах, где преобладали сефарды, хасидизм до недавнего времени не был популярен. Однако в Израиле его последователи имеют значительное общественное и политическое влияние.

Другая попытка реформы – возникновение так называемого либерального иудаизма, впоследствии получившего название «прогрессивного» или «реформистского». Он возник в Германии в 1820-е гг. как стремление модернизировать древнюю религию и сделать ее более рационалистической. Реформизм, как и другие деноминации, полагает исследователь, направленные на модернизацию религии, тоже трансформировался. Он получил наибольшее распространение в протестантских странах. В еврейских общинах на Востоке он распространения не получил в силу присущих им традиционализма и патриархальности. В Израиле его позиции, в отличие от позиций ортодоксального иудаизма, довольно слабы.

Следующий по времени блок докладов относился к изменениям, происшедшим в культурах Востока в эпоху колонизации стран Азии и Африки, а также к их последствиям в период освобождения от колониальной зависимости. Несмотря на достаточную разработанность этой тематики, докладчиками было сделано немало ценных уточнений и наблюдений, вкуче представляющих значительный вклад в востоковедение и африканистику. Так, в докладе *Е. Ю. Ваниной* (ИВ РАН) было отмечено, что хотя главной целью британской колониальной политики с XVIII в. в Индии было, согласно заявлениям ее идеологов, «улучшение» субконтинента, опиралась она при этом не на реалии, а на концепции ориенталистов, которые не столько изучали Индию, сколько «воображали» ее. Жителей Индии, где мягкими методами, а где радикальными, принуждали к отказу от тех сторон их быта, которые, на западный взгляд, были «неправильными». В результате историческое мышление индийцев было переформатировано в соответствии с тем, как западные ученые представляли себе древность, Средневековье и современность Индии, игнорируя при этом существовавшие в доколониальном индийском обществе представления о прошлом. Через систему английского образования, без которой индией

не мог сделать какую-либо карьеру, «туземцам» был навязан английский взгляд на прошлое, его основные события, на сложившиеся представления о «героях и злодеях», на саму способность индийского общества к саморазвитию. В конечном счете это не могло не привести к формированию общенационального самосознания, в результате которого в 1947 г. Индией была завоевана независимость.

О пакистанском варианте воздействия Запада рассказала *Н. А. Замараева* (ИБ РАН), которая подчеркнула, что Пакистан, возникший в результате распада Британской колониальной империи в 1947 г., испытал влияние англосаксонской модели развития, что проявилось и в становлении его государственности, и в развитии самого пакистанского общества.

Сочетание многообразия восточных традиций, ислама (большинство населения – сунниты), полиэтничности, попеременного управления государством гражданскими и военными структурами с традиционной привязанностью местного общества к западному, в первую очередь британскому, образу жизни демонстрирует одновременно вызовы Старому Свету, отстаивая свою самобытность в общем контексте цивилизационного развития человечества.

О западном «культурном факторе» в развитии современной культуры Ирана было сообщено в тезисах, представленных *М. С. Каменевой* (ИБ РАН), которая проанализировала некоторые аспекты культурной политики, проводимой руководством Исламской Республики Иран, избравшей собственный, особенный путь развития, на фоне бурного продвижения вперед мировых глобализационных процессов. В этом контексте автор сконцентрировала свое внимание на двух важных факторах – взаимоотношениях Ирана с Западом и международном аспекте культурной политики государства. Показано, что отношения Ирана с западным миром выстраивались в направлении от полного отрицания важной роли культуры Запада к постепенному росту интереса к ней. Подчеркнуто, что международный аспект культурной политики ИРИ, сформировавшись в первые десять лет после исламской революции и получив дальнейшее развитие в следующие десятилетия, становится важным фактором внешнеполитической деятельности руководства Ирана, способствующим реализации идеи экспорта исламской революции за пределы страны, достижению Ираном лидирующих позиций в регионе, а также иранской культурной экспансии.

Ученые-африканисты также осветили характер воздействия Запада на культурное развитие стран континента, подвергшегося в свое время колониальному захвату. *А. Н. Мосейко* (ИАФр. РАН) отметила специфику восприятия западных культурных влияний у жителей Мадагаскара. Особенностью малагасийской культуры, по мнению ученого, является ее устойчивость и сопротивление агрессивным попыткам аккультурации

и «цивилизаторству». Из западной культуры были восприняты элементы, востребованные обществом, прежде всего христианство, созвучное местной религии, письменность на основе латиницы, книгопечатание и т.д. В то же время сами эти заимствованные элементы подвергались изменениям и адаптации к автохтонной культуре. С особой бережностью на Мадагаскаре относятся к малагасийскому языку.

Е. В. Харитонова (ИАФр. РАН) рассказала о прецедентах применения традиционных африканских этических систем в урегулировании политических конфликтов. Она рассмотрела способы традиционного решения внутривнутриполитических проблем кризисного периода на примере двух стран субсахарской Африки – Руанды и ЮАР, переживших сложные историко-политические и культурные процессы одновременно. В Руанде это был период после геноцида 1994 г. и в ЮАР – после падения режима апартеида в 1994 г. В докладе показано, как использование традиционной этики и традиционных форм взаимодействия дает возможность преодолеть кризис и на определенном историческом этапе создать условия для мирной жизни, хотя в ряде случаев африканские решения осуждались западными правозащитными организациями.

О том, как, собственно, «азиатские ценности» повлияли на попытки внедрения европейских конфессиональных ориентаций в таком государственно-национальном «анклаве» как Сингапур, написала в своих тезисах для круглого стола *Е. М. Астафьева* (ИВ РАН). Она обратилась к анализу причин роста популярности в Сингапуре неденоминационных пятидесятнических харизматических церквей, начавшегося в 1980-х гг., а также ответной реакции правительства на эти процессы. В докладе рассматривается, как теология церквей, проповедующих «Евангелие процветания», тесно переплетена с капиталистической этикой, ориентированной на культ потребления и «макдональдонизацию» духовных потребностей в осознании смысла собственного бытия и моральных принципов. Исследователь анализирует политические меры правительства Сингапура, направленные на противодействие этому влиянию путем создания и активного внедрения в жизнь идеологии «коллективных ценностей». Эта идеология по сути является усовершенствованной концепцией «азиатских ценностей», призванных противостоять распространению в сингапурском обществе чуждых принципов, в первую очередь – приоритета личных интересов над интересами общества в целом.

Неожиданно новая, но весьма актуальная для современных восточных и африканских социумов проблема иностранного туризма, объективно как бы способствующего их экономическому развитию, прозвучала в выступлении *П. А. Куценкова* (ИВ РАН), исследующего такой малодоступный регион, как Плато догонов в Мали. Докладчик подчеркнул, что вторжение множества западноевропейских туристов в размеренную жизнь догонских деревень не могло не оказать влияния на их культуру.

Однако это воздействие оказалось не таким «позитивным», как можно было бы ожидать: неожиданным образом оно поколебало религиозные предпочтения догонов, вызвав у них интерес не столько к христианству, сколько к исламу. Традиционные ремесла и изобразительное искусство (керамическое производство, ткачество и скульптура) по-прежнему процветают, так как пользуются спросом у туристов. Однако есть и негативное воздействие туризма, как считает исследователь: гиды кратко излагают туристам «основы догонской мифологии» по французскому этнологу Марселю Гриолю, который, по его мнению, во многом исказил истинную этнокультурную историю догонов.

Возвращаясь к «азиатскому направлению» исследований о способах и формах западного воздействия, кратко охарактеризуем три доклада, посвященных Японии. *Е. Л. Скворцова* (ИВ РАН) рассказала о западном влиянии на развитие японской общественной мысли. Она подчеркнула, что воздействию западной культуры и идеологии на духовную жизнь Японии посвящено немало исследований не только в России и в зарубежном японоведении, но и в самой Стране восходящего солнца. Тема эта чрезвычайно обширная и до конца далеко не исследованная. Впрочем, и сегодняшняя Япония предоставляет немало примеров активной духовной экспансии западной цивилизации. Докладчик привела убедительные образцы усвоения некоторых воззрений западных мыслителей в философских трудах японских ученых XIX в., не исказивших сущность их собственных духовных исканий, но расширивших их научные горизонты.

В XX – начале XXI в., в эпоху глобализации, японская культура претерпевает и ряд трансформаций, которые отметил в своем выступлении чл.-корр. РАН *В. М. Алпатов* (Институт языкознания РАН). Он отметил, что именно сейчас, несомненно, элементы японской культуры от дзен-буддизма до караоке и аниме имеют гораздо большую известность в мире, чем это было еще несколько десятилетий назад. Однако главная причина этого – не столько активность самой Японии (хотя, разумеется, и это имеет место), сколько включение элементов японского происхождения в массовую культуру глобализации, формируемую в США, где происходит отбор. Американское происхождение этих элементов проявляется, например, в принятых сегодня лингвистических транскрипциях. В России в советскую эпоху японская культура в основном получала известность через непосредственные контакты, но теперь это происходит, прежде всего, через посредство США, подчеркнул ученый.

Об американском факторе в формировании послевоенной массовой культуры в Японии подробно говорила в своем выступлении *Е. Л. Катасонова* (ИВ РАН), отметив, что любая война всегда несет с собой хаос и упадок всех сторон жизни населения, в том числе и культуры. В Японии, которая на протяжении всей истории не испытывала вторжения чужестранцев на свои острова и первой из стран познала ужас атом-

ной бомбардировки в августе 1945 г., поражение во Второй мировой войне вызвало настоящий шок (там это принято называть травмой). Помимо разрушенных городов, множества человеческих жертв, тяжелейшего экономического кризиса и стремительного обнищания населения, в Японии проигранная война произвела и полный крах духовной жизни японцев. Тем не менее с середины XX в. Япония нашла силы сделать экономический вызов мировому сообществу, вслед за которым последовал новый – культурный. Японцы познакомили мир с интереснейшей и своеобразной массовой культурой, гармонично сочетающей в себе опыт многовековых традиций и все новейшие достижения, пришедшие извне, современные технологии и ценностные ориентиры сотен миллионов потребителей во всем мире. И хотя японская массовая культура в целом пока еще не во всем может соперничать с мощной культурной индустрией США, абсолютного лидера в этой области, она, считает исследователь, с содержательной и технологической точек зрения гораздо более развита и многогранна, чем американская.

Специалист в области китайского искусства *М. А. Неглинская* (ИБ РАН) полагает, что дальневосточный рынок рубежа XIX–XX вв. явился стилеобразующим фактором современного западного искусства. В своих тезисах она отстаивает мнение, что принципы западного модерна рубежа XIX–XX вв. базируются на потенциале и западных, и восточных культур, однако многие исследователи ограничиваются в основном констатацией преобладания в модерне японского влияния. Япония на этом этапе действительно была готова (в отличие от Китая) осваивать новые западные технологии, открывшие стране доступ на мировой художественный рынок. Но все же сама японская культура веками развивалась в диалоге с Китаем.

Китай уже в периоды Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) активно участвовал в формировании предметной среды Запада, выступая поставщиком фарфора и лаков, а в конце XIX в. – перегородчатых эмалей. Если на рубеже XVII–XVIII вв. экспортный фарфор (изделия с полихромной росписью по белому фону) способствовал сложению стиля рококо и стилевой эволюции европейского искусства в целом, то декоративные возможности китайских клуазоне с их цветовой интенсивностью, графичностью контуров, плоскостностью изображений смогли по достоинству оценить мастера западного модерна и их преемники.

Формообразующее значение ремесла уравнило декоративное искусство модерна с живописью, явилось новшеством, отличающим стиль модерн и наследующие ему авторские стили XX в. Запад, столетиями выступавший заказчиком произведений дальневосточных ремесел, едва ли мог прогнозировать последствия своей экономической инициативы – например то, что дальневосточный экспорт приведет к активному преобразованию современного западного искусства.

Изучение урбанистического искусства Бирмы (с 1989 г. – Мьянмы) позволило *А. А. Симолии* (ИВ РАН) сделать выводы о том, что архитектурное наследие колониального Рангуна, бывшей столицы государства, ныне именуемой Янгон, представляет собой не только городское разнообразие, но и уникальный исторический центр – образец типичной британской колониальной застройки. После обретения независимости в 1948 г. руководство страны не придавало большого значения сохранению памятников архитектуры колониального прошлого, а после перенесения столицы в специально построенный г. Нейпидо в 2005 г. опустевшие административные здания Янгона стали быстро приходить в упадок. Отношение к колониальному архитектурному наследию изменилось в последнее десятилетие. По инициативе историка Тан Мьин-У был создан «Янгонский фонд наследия», который предпринимает усилия для спасения и сохранения оставшихся памятников колониальной архитектуры. Новое гражданское правительство Аун Сан Су Чжи поддерживает эти инициативы. В отличие от Сингапура и Куала-Лумпура, утративших некоторые исторически значимые архитектурные ценности, у Мьянмы есть шанс сохранить их.

С. Д. Сыртыпова (ИВ РАН) рассказала о синкретизме традиций кочевничества и современных мировых трендов в живописи современной Монголии. Профессиональные художники Монголии XX в. в большинстве своем получали образование в художественных академиях СССР либо в буддийских монастырях Монголии и Тибета. Докладчик считает, что именно русская живописная школа закономерно вошла в практику монголов. Самые разные художественные школы XX в.: импрессионизм, кубизм, сюрреализм, супрематизм, абстракционизм, актуализм и пр. – не обошли стороной и Монголию. Однако до конца 1980-х гг. социалистический реализм был главным мерилем «правильной» изобразительности (*Д. Дамдинсурэн, Б. Чогсом, Ц. Амгадан* и мн. др.). Особенно продуктивным для развития монгольского искусства стал период после демократической революции 1990 г. Открытие границ, возможность знакомства с мировыми шедеврами, тенденциями, поиски собственного пути – все это породило своеобразные гибридные явления, хотя традиционная живописная культура буддийской Монголии была и остается живительной почвой для роста современных творческих приемов (*Заясайхан Самбу, Отгонбаяр Эршуу, Ангарагсурэн, Энхбат Лантуу, С. Ундраа, Ц. Монхжин, Р. Чинзориг* и др.). Живописцы Монголии не теряют связи со своими истоками, поразительным образом сохраняя кочевническую эстетику даже в своих «суперсовременных» работах.

Ш. М. Шукуров (ИВ РАН) говорил о тенденциях синкретизма и об опыте европейских архитекторов по изменению облика городов Востока. Докладчик сделал ряд ценных наблюдений о взаимовлиянии Запада и Востока в современном искусстве в целом, обладая обширными знани-

ями в области мусульманской архитектуры, искусства древнего и современного Ирана и теоретических разработок концепций «Храма» и «Совершенного человека», «опытов преодоления Чужого» и многих аспектов искусства Востока и Запада.

Круглый стол ознакомил собравшихся и с целым блоком литературоведческих исследований, касающихся западных влияний на развитие литературного процесса, особенно в постколониальную эпоху, в странах Африки и Азии. Особенно интенсивно изучаются регионы англо- и франкофонии в сложившемся ансамбле новых национальных литератур. Так, *Н. Ю. Ильина* (МГЮА) в своем выступлении о творчестве нигерийских писателей рассказала о теме судьбы соотечественников-нигерийцев на Западе. Своеобразие нигерийской англоязычной литературы заключается в том, что она создана на языке бывшей метрополии, так что самобытность нигерийского менталитета и национального характера отражена средствами английского языка. Но Нигерия, самая полиэтническая страна Тропической Африки, использует английский в качестве официального языка в рамках Федеральной Конституции, и это, безусловно, оказывает влияние на образ жизни нигерийцев.

В период колониального господства британцы принесли в Нигерию и свой язык, и христианство, и элементы англосаксонской культуры. Нигерийцы приобщились к западной системе образования, а благодаря преподаванию английского языка в миссионерских школах многие жители страны стали двуязычными. Представители бикультурной нигерийской интеллигенции создали англоязычную художественную литературу, и благодаря английскому языку писатели Нигерии заняли заметное место в мировом литературном процессе.

Как показала исследователь, видные современные литераторы Чимаманда Нгози Адичи (роман «Американа», 2013) и Джуде Дибиа (роман «Неукротимый», 2007) затрагивают проблему нигерийских мигрантов в Великобритании и США, культурного дуализма, сформировавшегося под влиянием западных ценностей. Герои произведений, прожив длительное время на Западе и столкнувшись с рядом сложных проблем, возвращаются в Нигерию глубоко разочарованными в западном образе жизни.

Франкофонная «зона» в литературном процессе стран Востока была освещена в докладах *М. В. Николаевой* и *С. В. Прохогиной* (обе – ИВ РАН). Выступление *М. В. Николаевой* было сосредоточено на арабских «лицах франкофонии». В ее докладе говорилось о творчестве современных франкоязычных поэтов Ливана наряду с поэтами других арабских стран в контексте мировой франкофонии. Она рассказала также о культурных инициативах Международной организации франкофонии (МОФ), Национального центра книги во Франции (НЦК) и других культурно-просветительских институтов французского Средиземноморья (реги-

он Окситания – Пиренеи – Средиземноморье, администрация г. Сет) по организации ежегодного фестиваля «Живые голоса. Поэзия – путь к миру», 2019 г., целью которого является утверждение и сохранение сущностных парадигм французской культуры в современном мультикультурном мировом пространстве в рамках общегуманитарных концепций взаимодействия западной и восточной цивилизационных моделей.

В докладе *С. В. Прожогиной*, модератора круглого стола, было уделено внимание особому влиянию колониальной литературы Франции на развитие национального литературного франкоязычия в странах Магриба (Алжир, Марокко, Тунис). В этих странах возникли в качестве «ответа» на колониальную этнографическую экзотизацию и сентиментализм реалистические свидетельства и образцы социально-критического метода в «бытописании» и отражении традиционного мироустройства в творчестве собственно магрибинских писателей, отстаивавших право на «самобытность» и сформировавших особый тип самосознания, приведший со временем к отставанию и политической независимости, а магрибинские социумы – к национально-освободительной борьбе с французским колониализмом.

Несомненное влияние Запада и его идей Просвещения и гуманизма, отмечавшееся в странах, испытавших колонизацию, наблюдается и там, где не было колониального угнетения, но было интенсивное проникновение идей западного христианства, повлиявшего, в частности, на формирование особого типа художественного сознания у местных писателей.

Так, в докладе *Н. В. Захаровой* (ИМЛИ) отмечалось, что обучение в христианской миссионерской школе стало фактором формирования творческого стиля китайской писательницы Бин Синь (1900–1999). Первые католические миссионеры прибыли в Китай в конце XVI в., однако о более или менее заметном влиянии христианства на умы китайцев можно говорить, считает исследователь, только начиная со второй половины XIX в. Еще через 50 лет, в первой четверти XX в., влияние христианских взглядов заметно сказалось на творчестве многих китайских литераторов. В начале XX в. миссионерские организации учредили несколько университетов и более 20 колледжей, в которых обучались будущие известные писатели, в том числе Линь Юйтан и Бин Синь. Вэнь Идо проникся идеями христианства, будучи студентом университета Цинхуа, там же и принял крещение. Идеи христианства наиболее яркое выражение получили в поэтических сочинениях Бин Синь, написанных с октября 1920 по март 1922 г. и опубликованных в журнале «Жизнь и судьба», издававшемся Обществом молодых христиан Пекина. Так же, как и многих молодых китайцев, Бин Синь в Библии привлекала особая эмоциональность текстов, напряжение религиозного настроения. Многие религиозно окрашенные стихи Бин Синь сохранили возвышенный стиль переводов Библии. В эссе «Мои годы учебы» Бин Синь писала, что десять

с лишним лет обучения в христианском колледже Бэймань дали ей самые сильные впечатления, значительным образом сказались на характере, а также сыграли важную роль в создании образной системы ее литературных произведений раннего периода.

Во Вьетнаме, несмотря на все тяготы системы угнетения и подавления автохтонной цивилизации и одну из самых затяжных (как и алжирская) форм военного сопротивления французскому колониализму в XX в., западные влияния сказались на многих аспектах жизни населения. Как отмечено в выступлении А. А. Соколова (ИВ РАН), даже обычная переводная литература служила фактором культурной модернизации Вьетнама. Художественные связи, считает исследователь, – это один из важнейших элементов непрерывного процесса взаимообогащения национальных культур. На рубеже XIX–XX вв. во Вьетнаме, ставшем французской колонией, происходит процесс активного усвоения западноевропейских культурных ценностей. Интенсивно переводятся произведения западноевропейских философов, экономистов, писателей. К области культурных взаимодействий относится и переводная художественная литература. Многочисленные переводы зарубежных авторов, прежде всего французских поэтов и драматургов, оказывали влияние на формирование литературных течений и направлений во Вьетнаме, играя роль ускорителя имманентного литературного процесса. В значительной степени благодаря переводам перенимаются и развиваются на новой национальной почве жанры, стили, приемы и т.п., разработанные в другой литературе.

Подобное влияние западных образцов литературного творчества было замечено и в Малайзии, что проявилось, в частности, в появлении малайских детективов, изначально возникших как образцы нового типа в традиции малайской литературы. Е. С. Кукушкина (ИСАА МГУ) подчеркнула, что детективный жанр не имел исторических корней в малайской словесности и был определенно заимствован, хотя писатели, стоявшие у истоков современной малайской литературы, имели мало контактов с западной культурой. Прежде всего, интересен сам факт появления детектива на заре становления в Малайзии литературы современного типа – в 1920–1930-х гг. Детективные произведения соседствуют с первыми «серьезными» образцами малайского романа, сильно окрашенными идеями исламского реформизма и возникшими под ближневосточным, а не европейским влиянием. Появление неожиданных всходов западного посева на местной почве, вероятно, объясняется хождением в соседней Нидерландской Ост-Индии (ныне Индонезии) переводов известных детективов. Можно также предположить, полагает докладчик, что идея наказания преступника была созвучна реформистскому тезису о плодах добрых и греховных поступков человека, которые проявляются уже в земной жизни, а не только в загробной. Позднее малайские авторы использовали детективные линии лишь как часть более сложно-

го сюжета в произведениях, несших значительную идеологическую нагрузку. После Второй мировой войны доминировала социально ангажированная проза, на смену которой с 1980-х гг. пришла исламская литература, далекая от развлекательности. В современной Малайзии авторство известных детективов принадлежит, главным образом, этническим китайцам и индийцам, пишущим на английском языке. Таким образом, импульс западной детективной традиции поначалу отозвался в малайской словесности, но затем был переработан и приспособлен к местному литературному контексту.

В заключение отметим не только многообразие и глубину проблем, озвученных на круглом столе, специфически точную «прицельность» отдельных региональных исследований, но и очевидную общую тональность в поисках возможностей диалога мировых культур и разных цивилизационных составляющих. Завершая работу круглого стола, заведующий Отделом сравнительного культуроведения ИВ РАН Ю. В. Любимов подчеркнул, что многообразие тем и мотивов, прозвучавших в выступлениях ученых, слилось в единую «симфонию», подчиненную разработке одной важной и актуальной проблемы, касающейся и истории, и современности цивилизационного взаимодействия, – взаимообогащения мировых культур и сохранения самобытности каждой из них.

Информация об авторе

Прохожина Светлана Викторовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Svetlana V. Projogina, PhD habil (Philol), Head Research Fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16 мая 2019 г.
Одобрена рецензентами: 23 мая 2019 г.
Принята к публикации: 27 мая 2019 г.

Article info

Received: May 16, 2019
Reviewed: May 23, 2019
Accepted: May 27, 2019